

Е. Н. Петухов

Барнаул, Россия

КОРРЕКЦИОННОЕ ТОЛКОВАНИЕ ОТДЕЛЬНЫХ ПОЛОЖЕНИЙ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ЗАКОНА КАК СРЕДСТВО УЯСНЕНИЯ ИХ ТОЧНОГО СМЫСЛА И ПРАВИЛЬНОГО ПРИМЕНЕНИЯ

В статье описывается проблема, связанная с законотворческим процессом в сфере уголовно-процессуального законодательства. Выделяются многочисленные промахи и несообразности, которые допускает законодатель в тексте уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации из-за несоблюдения требований юридической техники. Понимая, что законодатель никогда не будет застрахован от ошибок в принятии, изменении и отмене норм уголовно-процессуального законодательства, наука уголовного процесса разработала и предложила правоприменителю средство разрешения складывающейся проблемной ситуации при применении таких норм в виде коррекционного толкования. С помощью этого вида толкования такие субъекты уголовного процесса, как дознаватель, следователь, прокурор и суд смогут правильно уяснять смысл ошибочных положений уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, который заложил в них законодатель. Использование коррекционного толкования позволит данным субъектам исправлять допущенные законодателем в тексте уголовно-процессуального законодательства ошибки технического, смыслового и логического характера, что приведет к правильному применению действующих его положений.

Ключевые слова: уголовный процесс, юридическая терминология, коррекционное толкование.

Сведения об авторе: Евгений Николаевич Петухов, кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики Алтайского государственного университета. 656049, Барнаул, пр. Социалистический, 68, корп. ЮФ АлтГУ, к. 312. E-mail: petuchove@mail.ru.

E. N. Petukhov

Barnaul, Russia

CORRECTIVE INTERPRETATION OF CERTAIN PROVISIONS OF THE CRIMINAL PROCEDURE LAW AS A MEANS OF CLARIFYING THEIR EXACT MEANING AND CORRECT APPLICATION

The article describes the problem associated with the legislative process in the field of criminal procedural legislation. There are numerous blunders and inconsistencies that the legislator admits in the text of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation due to

non-compliance with the requirements of legal techniques. Realizing that the legislator will never be immune from mistakes in accepting, changing and abolishing the norms of the criminal procedural legislation, the science of the criminal procedure has developed and offered the law enforcement agent a means of resolving the emerging problem situation when applying such norms in the form of corrective interpretation. With the help of this kind of interpretation, such subjects of the criminal process as the inquirer, investigator, prosecutor and the court will be able to correctly understand the meaning of the erroneous provisions of the criminal procedure code of the Russian Federation, which the legislator laid in them. The use of corrective interpretation will allow these entities to correct the mistakes made by the legislator in the text of criminal procedural legislation of a technical, semantic and logical nature, which will lead to the correct application of its current provisions.

Key words: criminal procedure, legal terminology, corrective interpretation.

About the author: Evgeny Nikolaevich Petukhov, Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor of the Chair of Criminal Process and Criminalistics of Altai State University. Department of Law, Prospect Sotsialisticheskiy, d. 68, office 312, Barnaul, 656049. E-mail: petuchove@mail.ru.

В теории права выработано понятие «правотворчество». Под ним понимается деятельность по принятию, изменению, отмене юридических норм, в том числе и уголовно-процессуальных. Его сущность состоит в возведении государственной воли в нормы права, то есть в форму юридических предписаний, имеющих общеобязательный характер. При этом правотворческая деятельность осуществляется в рамках определенной законом процедуры. Правотворчество классифицируется по разным основаниям на множество разновидностей, но главным видом этой деятельности выступает федеральное законотворчество. Оно представляет собой деятельность высшего законодательного органа государственной власти – парламента (в России – Федерального Собрания). Законотворчество включает в себя законодательную инициативу, обсуждение законопроекта, принятие закона, его одобрение, подписание и опубликование. Оно должно отвечать таким требованиям, как научность, профессионализм (компетентность), и носить творческий характер.

Для осуществления законотворчества необходима юридическая техника (ее понятие выработано в теории права). Такая техника призвана

структурировать правовой материал, совершенствовать язык правовых актов, делать его более понятным, точным и грамотным. Данной техникой должны в совершенстве владеть депутаты Государственной Думы Российской Федерации, точнее действующий на постоянной профессиональной основе комитет по гражданскому, уголовному, арбитражному и процессуальному законодательству, который играет важную роль в законотворческом процессе.

В контексте настоящей статьи отметим, что с момента окончания законотворческого процесса по подготовке уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее УПК РФ), на протяжении 15 лет, представителями науки уголовного процесса и правоприменителями высказываются недовольства, связанные с многочисленными логическими, терминологическими и лексическими ошибками в тексте данного закона. Ради справедливости заметим, что законодатель иногда допускает бессистемность вносимых изменений в содержание УПК РФ не только по своей необоснованной инициативе, но и на основании лоббирования отдельных влиятельных государственных органов. Например, еще до принятия действующего УПК РФ было известно, что прокуратура не будет обладать правом санкционировать следственные действия, ограничивающие конституционные права граждан. Однако данные органы настояли на сохранении таких полномочий, и УПК РФ в такой редакции был принят. Затем вносились изменения. Выделяются и иные причины многочисленных промахов и несообразностей в тексте УПК РФ [Победкин 2012: 393–402].

Кроме того, законодателя критикуют и за используемые им некорректные слова и обороты в тексте уголовно-процессуального закона (имея в виду их терминологический смысл) [Александров 2005: 6-18].

Таким образом, ставятся под сомнение профессионализм, чувство ответственности за свою деятельность авторов указанного закона, а именно депутатов Государственной Думы Российской Федерации, членов соответствующего ответственного комитета палаты. При этом мы нисколько не сомневаемся в их добросовестности, а только закономерно в этой связи ставим

вопрос о воплощении в жизнь фундаментальных принципов правотворчества (законотворчества) и требований юридической техники.

Примем как должное, что плохих законов не бывает, поэтому они должны исполняться в таком содержании, в котором вступили в законную силу и действуют. Так как в момент применения УПК РФ изменить его положения либо принять новые правоприменитель не может, ему на помощь приходит предложенное наукой уголовного процесса коррекционное толкование [Калиновский 2008: 91–98]. С помощью данного толкования можно, не меняя смысла закона, который вложил в него законодатель, скорректировать (исправить) допущенные им явные «логические несообразности», «редакционные промахи», другие ошибки и правильно применить его положения. Как представляется, это коррекционное толкование должны использовать дознаватель, следователь, прокурор и суд.

Проанализировав отдельные положения уголовно-процессуального законодательства, наглядно покажем, в каких случаях указанным субъектам следует использовать коррекционное толкование.

Так, если мы обратимся к предложенному законодателем термину «возбудить уголовное дело», то с точки зрения русского языка смысл его не понятен, а представить себе такое действие вообще невозможно, так как термин «уголовное дело» при буквальном его толковании означает набор процессуальных (служебных) документов, которые, конечно же, никак нельзя возбудить. Поэтому в данной ситуации (некорректный термин) правоприменителю следует, используя коррекционное толкование, придать данному выражению другой смысл – «возбудить производство по уголовному делу в виде дознания или следствия».

Статья 1 УПК РФ носит название: «Законы, определяющие порядок уголовного судопроизводства». Вместе с тем, ч. 3 этой же статьи гласит: «Общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации являются составной частью законодательства Российской Федерации, регулирующего уголовное

судопроизводство». Ни в теории, ни в практике общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры законами не признаются, то есть законодатель допустил логическую ошибку, дав ст. 1 УПК РФ указанное название. В литературе предлагается понимать ее как «Законодательство, определяющее порядок уголовного судопроизводства», что представляется наиболее точным и правильным. По существу, указанный недостаток не представляет трудностей в его надлежащем истолковании.

В п. 1 ст. 5 УПК РФ законодатель раскрывает понятие термина «алиби» – нахождение подозреваемого или обвиняемого в момент совершения преступления в другом месте, то есть отсутствие их во время совершения преступления на месте преступления, что свидетельствует об их непричастности к этому преступлению. Однако в уголовном праве имеются такие положения, которые относят лиц, не присутствующих на месте совершения преступления в момент его совершения, к субъектам данного преступления как пособников, подстрекателей, организаторов, поэтому правоприменитель должен уяснять смысл понятия «алиби», не только основываясь на знании уголовно-процессуального права, но и учитывая положения уголовного права, ибо многие общественно опасные деяния могут быть совершены способом, не требующим физического присутствия субъекта преступления на месте его совершения.

Далее, анализируя статью 5 УПК РФ (п.10), мы видим, что в понятие «жилище» законодатель закладывает далекий от объективной реальности смысл, определяя, что под данным термином следует понимать индивидуальный жилой дом с входящими в него помещениями. Однако в реальности постройки (баня, погреб, сараи и т.д.), как правило, не укладываются в понятия помещений, входящих в данный жилой дом, поэтому правоприменителю в данной ситуации следует применять коррекционное толкование, расширяя границы жилища до усадьбы.

В п. 41 ст. 5 УПК РФ разъясняется термин «контроль телефонных и иных переговоров», который в такой формулировке в УПК РФ используется лишь в

п. 11 ч. 2 ст. 29. В то же время следственное действие, содержанием которого является контроль и запись телефонных и иных переговоров, называется «контроль и запись переговоров» (ст. 186 УПК РФ) и в ст. 29 УПК РФ указанное выше название не упоминается. Такая же ситуация и со следственным действием, именуемым в главе 25 УПК РФ как «наложение ареста на почтово-телеграфные отправления». Однако в ст. 185 УПК РФ оно названо иначе: «наложение ареста на почтово-телеграфные отправления, их осмотр и выемка», а в п. 8 ч. 2 ст. 29 УПК РФ уже называется – «наложение ареста на корреспонденцию». Сущность процессуальных действий везде одна и та же, «промах» законодателя налицо.

В специальной литературе обращается внимание на ст. 6 УПК РФ. Согласно ее содержанию, назначение уголовного судопроизводства сводится к защите прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений, а также защите личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод. Однако текст закона не содержит упоминания о защите общественных и государственных интересов, в то время как УК РФ в ч. 1 ст. 2 такую задачу провозглашает. Бесспорно, что нормы материального права реализуются посредством норм процессуального права, в связи с этим существует необходимость привести ст. 6 УПК РФ в единообразный со ст. 2 УК РФ вид. Вместе с тем и без этого очевидно, что уголовное судопроизводство посредством собственных способов, приемов и методов в действительности осуществляет и защиту государственных интересов.

Ч. 2 ст. 74 УПК РФ гласит, что в качестве доказательств по уголовному делу допускаются только показания подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего, свидетеля, эксперта, специалиста, заключения эксперта, специалиста, протоколы следственных и судебных действий, вещественные доказательства и иные документы. Вместе с тем такое утверждение не соответствует ч. 1 этой же статьи, поскольку в ней определено, что доказательствами по УПК РФ признаются сведения, а не перечисленное в ч. 2

ст. 74 УПК РФ. Правоприменителям трудно уловить здесь смысл, заложенный законодателем, поэтому ясность вносит разъяснение Пленума Верховного Суда РФ от 5 марта 2004 года № 1, из содержания которого следует, что в ч. 2 ст. 74 УПК РФ перечислены источники доказательств, а не сами доказательства.

В ст. 94 УПК РФ законодатель только двух субъектов (дознателя и следователя) наделил правом освобождать задержанного подозреваемого из-под стражи. В данной статье законодатель не называет прокурора, наверное, из-за того, что он не имеет полномочий по задержанию подозреваемого. Однако согласно ч. 2 ст. 10 УПК прокурор (также судья) обязан немедленно освободить всякого незаконно задержанного. Поэтому правоприменителю следует уравнивать прокурора в правах с дознавателем и следователем в вопросе освобождения задержанного.

Согласно ч. 2 ст. 226 УПК РФ, при утверждении обвинительного акта прокурор вправе своим постановлением исключить из него отдельные пункты обвинения, либо переквалифицировать обвинение на менее тяжкое. Такое же право прокурору предоставляется при утверждении обвинительного постановления. Также в суде прокурор, участвующий в процессе в качестве государственного обвинителя, может переквалифицировать общественно опасное деяние в сторону его смягчения. Однако остается неясным, по какой причине законодатель не счел нужным предоставить такое право прокурору при утверждении обвинительного заключения. Полагаем, это нужно исправить.

В соответствии с ч. 3 ст. 318 УПК РФ категория дел частного обвинения может возбуждаться следователем, однако такое положение не соответствует норме о предметной подсудственности органов дознания МВД РФ. Уголовные дела о преступлениях, предусмотренных ч. 1 ст. 115, ст. 116.1 и ч. 1 ст. 128.1 УК РФ, возбуждаются и расследуются только дознавателями органов МВД РФ, а не следователями.

В ст. 321 УПК РФ, на наш взгляд, имеется допущенная законодателем несообразность. Полагаем, он переусердствовал с употребляемыми в данной норме терминами, хаотично именуя гражданина, в отношении которого подано

заявление, то лицом, то подсудимым. По смыслу уголовно-процессуального закона положения указанной статьи регламентируют процессуальные отношения субъектов, участвующих при рассмотрении уголовного дела мировым судьей, а значит, на данном этапе уголовного судопроизводства гражданин, в отношении которого подано заявление и рассматривается дело, уже является однозначно только подсудимым, а не каким-то иным лицом.

В ст. 437 УПК РФ идет речь о законном представителе лица, в отношении которого ведется производство о применении принудительной меры медицинского характера. Вместе с тем из буквального толкования п. 12 ст. 5 УПК РФ следует, что лицам, в отношении которых ведется производство о применении принудительной меры медицинского характера, законный представитель не назначается.

Согласно ст. 448 УПК РФ, решение о возбуждении уголовного дела, либо о привлечении в качестве обвиняемого прокурора района, города и приравненных к ним прокуроров принимается руководителем следственного органа Следственного комитета Российской Федерации по субъекту Российской Федерации. В ч. 5 ст. 37 УПК РФ прокурор района отождествляется с заместителем прокурора района, города и к ним приравниваются иные прокуроры и вышестоящие прокуроры. Судя по всему, в ст. 448 УПК РФ законодатель имеет в виду также заместителя прокурора района или города. Мы в этом видим логику законодателя, которая определяет, указанным нами образом, смысл анализируемых положений.

В соответствии со ст. 450 УПК РФ, ходатайство перед судом об избрании в качестве меры пресечения заключения под стражу может быть возбуждено следователем или дознавателем в отношении зарегистрированного кандидата в депутаты Государственной Думы Российской Федерации, кандидата в Президенты Российской Федерации с согласия Председателя Следственного комитета Российской Федерации, а в отношении зарегистрированного кандидата в депутаты законодательного (представительного) органа государственной власти субъекта Российской Федерации – с согласия

руководителя следственного органа Следственного комитета Российской Федерации по субъекту Российской Федерации. Согласно п. «б» ч. 2 ст. 151 УПК РФ только следователи Следственного комитета РФ имеют право расследовать такие категории уголовных дел, а значит в этом случае правоприменителю нужно осознавать, что дознаватели не могут возбуждать вышеуказанное ходатайство.

В завершении, как уже ранее отмечали [Петухов 2017: 137–139], повторим, что анализ текста уголовно-процессуального закона и теоретических источников, посвященных рассматриваемой теме, позволяет сделать вывод о том, что будучи предназначенным для урегулирования общественных отношений в сфере публичного права, где вероятность ограничения гарантированных Конституцией Российской Федерации прав и свобод человека очень высока, УПК РФ на сегодняшний день не в полной мере соответствует требованиям юридической техники. Вместе с тем законодатель никогда не будет застрахован от ошибок в принятии, изменении и отмене нормы данного процессуального права. В связи с этим коррекционное толкование – это важнейший инструмент в деле уяснения того смысла, который хотел донести законодатель до субъектов, уясняющих и применяющих данный закон.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Победкин А. В.* Качество уголовно-процессуального закона и компетентность законодателя. Вестник ВГУ. Серия: Право, 2012. № 1. С. 393–402.
2. *Александров А. С.* О методологических следствиях, вызываемых терминологическими причинами (из опыта прочтения текста УПК РФ). Правоведение, 2005. № 5. С. 6–18.
3. *Калиновский К. Б.* Презумпция добросовестности законодателя – опровержима? Коррекционное толкование отдельных положений законов о внесении изменений и дополнений в УПК РФ. Журнал российского права. 2008. № 8. С. 91–97.
4. *Петухов Е. Н.* Техничко-коррекционное толкование отдельных норм уголовно-процессуального законодательства. Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями: материалы пятнадцатой международной научно-практической конференции. Барнаул, 2017. Ч. 1. С. 137–139.

REFERENCES

1. *Pobedkin A. V.* The quality of the criminal procedural law and the competence of the legislator [Kachestvo ugovovno-protsessual'nogo zakona i kompetentnost' zakonodatelja]. Vestnik VSU. Series: Right. 2012. № 1. P. 393–402.

2. *Alexandrov A. S.* On the methodological consequences caused by terminological reasons (from the experience of reading the text of the Code of Criminal Procedure) [O metodologicheskikh sledstvijah, vyzyvaemyh terminologicheskimi prichinami (iz opyta prochtenija teksta UPK RF)]. Jurisprudence. 2005. № 5. P. 6–18.

3. *Kalinovsky K. B.* Is presumption of good faith legislator refutable? Corrective interpretation of certain provisions of the laws on the introduction of amendments and additions to the Code of Criminal Procedure [Prezumpcija dobrosovestnosti zakonodatelja – oproverzhima? Korrektsionnoe tolkovanie ot del'nyh polozhenij zakonov o vnesenii izmenenij i dopolnenij v UPK RF]. Journal of Russian Law. 2008. № 8. P. 91–97.

4. *Petukhov E. N.* Technical and Corrective Interpretation of Certain Norms of Criminal Procedural Law [Tehniko-korreksionnoe tolkovanie ot del'nyh norm ugovovno-protsessual'nogo zakonodatel'stva]. Acute Problems of Tackling Crimes and Other Offenses: Proceedings of the Fifteenth International Scientific and Practical Conference. Barnaul, 2017. Part 1. P. 137–139.